Дж. Г. Баллард

БИЛЛЕНИУМ

Биллениум
Джеймс Грэм Баллард

Аннотация
Джеймс Баллард
Биллениум

Аннотация

Население Земли многократно увеличилось, увеличилось настолько, что все парки и сады пустили под сельхозугодья для производства продовольствия, а в городах ввели норму — четыре квадратных метра жилплощади на одного человека.

Джеймс Баллард

Биллениум

Беготня по лестнице за каморкой Уорда начиналась с раннего утра и продолжалась весь день, часто до глубокой ночи.

Дощатые стены, встроенные в узкую нишу на изгибе лестницы между четвертым и пятым этажами, гнулись и скрипели от каждого шага, как крылья трухлявой ветряной мельницы. На трех верхних этажах старого жилого дома ютилось больше ста человек, и иногда Уорд лежал на узкой койке до двух или трех часов ночи, машинально считая последних жильцов, возвращающихся из кинотеатров на стадионе в полумиле от дома. Через окно в комнату влетали обрывки разговоров, грохочущим эхом раскатывавшихся по металлическим крышам. Стадион не пустовал никогда. Днем над ним поднимался громадный четырехсторонний экран, беспрестанно показывавший легкоатлетические соревнования или футбольные матчи. Жильцам примыкающих к стадиону домов, должно быть, приходилось терпеть невыносимый шум.

Уорд, по крайней мере, имел в своем распоря-

жении уголок приватности. Два месяца назад, до переезда на лестницу, он делил с семью другими жильцами комнату на первом этаже дома на 755-стрит, и бесконечное давление теснящихся за окном людей загнало его в состояние полного истощения. Не стихающий гул голосов, бесконечное шарканье ног — улица не умолкала никогда. К половине седьмого, когда он просыпался и спешил присоединиться к очереди в душевую, толпа уже заполняла улицу от тротуара до тротуара, и в ее гомон каждые полминуты вторгался грохот поездов, проносящихся по надземной железной дороге над магазинами на противоположной стороне улицы. Едва увидев объявление о сдаче в аренду лестничной каморки — как и все остальные, большую часть свободного времени Уорд тратил на просмотр объявлений в газетах, а жилье менял в среднем раз в два месяца, — он сразу же перебрался туда, невзирая даже на более высокую плату. Комната на лестнице — это уже независимость.

Но жизнь в каморке имела и свои недостатки. По вечерам сюда частенько наведывались друзья из библиотеки — прикорнуть после рабочего дня, проведенного в жестокой толчее публичного читального зала. Площадь пола в каморке была чуть

больше четырех с половиной квадратных метров, что на полметра превышало установленный максимум для жильца-одиночки, — плотники незаконно использовали углубление за дымоходом. Соответственно, Уорду удалось втиснуть в промежуток между кроватью и дверью маленький стул с прямой спинкой, что позволяло сидеть на кровати только одному человеку — в большинстве одноместных кубиклов гостю и хозяину приходилось сидеть бок о бок на кровати, разговаривать через плечо и периодически меняться местами, чтобы не затекала шея.

— Тебе повезло с этой комнатой, — постоянно говорил Росситер, самый частый из гостей Уорда. Откинувшись на кровати, он обвел каморку широким жестом. — Такая огромная, с перспективой. Нисколько не удивлюсь, если у тебя здесь метров пять, если не шесть.

Уорд решительно покачал головой. Росситер был самым близким его другом, но поиски жилого пространства отточили защитные рефлексы.

— Чуть больше четырех с половиной. Я сам измерил. Так что никаких сомнений быть не может.

Росситер вскинул бровь:

— Удивительно. Тогда, может быть, дело в по-

толке.

Манипуляции с потолком были излюбленным трюком бессовестных домовладельцев: в большинстве случаев измерение площади производилось, по соображениям удобства, по потолку, и увеличить ее ради привлечения перспективного жильца удавалось простым наклоном дощатых перегородок; таким способом в одноместные кубиклы заманивались семейные пары. Схожим образом площадь временно уменьшалась, когда приходили жилищные инспекторы. Карандашные отметки на потолке свидетельствовали о притязаниях соперничающих соседей, разделенных общей перегородкой. Жильца, робкого в отстаивании своих прав, могли буквально выдавить, и объявление типа «тихие соседи» служило обычно намеком именно на такого рода захват.

— Стена действительно была чуточку наклонена, — согласился Уорд. — Точнее, на четыре градуса — я проверял отвесом. Но места на лестнице вполне достаточно для прохода.

— Конечно, Джон, — усмехнулся Росситер. — Просто завидно, вот и все. Меня-то моя комнатушка с ума сводит.

Как и все, он называл свою каморку «комнатой», используя термин времен пятидесятилетней

давности, когда люди действительно жили по одному человеку в комнате, а некоторые — невероятно! — занимали целую квартиру или даже дом. Микрофильмы в архитектурном каталоге библиотеки демонстрировали музеи, концертные залы и другие публичные места, бывшие обычным делом в те далекие дни, причем они нередко пустовали — по огромной галерее или лестнице могли прохаживаться два-три человека. По улицам свободно двигались машины, а в некоторых спокойных районах города тротуары, случалось, выглядели почти безлюдными.

Теперь, разумеется, старые здания были снесены и заменены жилыми комплексами или переделаны в многокомнатные дома. Огромный банкетный зал бывшего муниципалитета поделили горизонтально на четыре этажа с нарезкой на сотни кубиклов.

Что касается улиц, то движение автотранспорта по ним давно прекратилось. За исключением нескольких предутренних часов, когда заполнялись только тротуары, все дороги были забиты плотными толпами пешеходов, прокладывающих с боем путь домой или на работу; все в пыльной, бесформенной одежде и не обращающие никакого внимания на висящие над их

головами бесчисленные знаки «Держаться левой стороны». Пробки возникали каждый раз, когда масса людей застревала на уличном перекрестке. Иногда такие столпотворения не рассасывались несколько дней. Два года назад Уорд попал около стадиона в пробку, пополнявшуюся с одной стороны теми, кто выходил со стадиона, а с другой — желавшими туда попасть. В течение сорока восьми часов парализованным оставался район площадью в квадратную милю, и Уорд хорошо помнил тот кошмар: как беспомощно качался, стоя на ногах, в волнующемся людском море, боясь потерять равновесие, упасть и быть растоптанным. Когда полиция наконец закрыла стадион и разогнала толпу, он вернулся в каморку весь в синяках и проспал целую неделю.

— Поговаривают, власти могут урезать лимит до трех с половиной метров, — поделился новостью Росситер.

Уорд ответил не сразу — подождал, придерживая дверь, пока по лестнице пройдет компания с шестого этажа.

— Они всегда так говорят. Помнится, слухи еще лет десять назад ходили.

— Это не слухи, — предупредил Росситер. — Вполне возможно, что скоро такая мера станет

необходимой. В городе сейчас живет тридцать миллионов, и население каждый год увеличивается еще на миллион. В жилищном департаменте об этом говорят вполне серьезно.

Уорд покачал головой.

— Провести такую масштабную переоценку практически невозможно. Придется демонтировать, а потом снова прибить каждую перегородку. А объем административной работы даже трудно представить. Нужно будет перепланировать и сертифицировать миллионы кубиклов, выпустить лицензии, да еще и переселить всех жильцов. Большинство зданий, построенных после прошлой переоценки, выполнялись на основе четырехметровых модулей. Просто отрезать от каждого кубикла по полметра и объявить, что получилось столько-то новых, невозможно. Это же всего шесть дюймов в ширину. — Он рассмеялся. — Да и как можно жить на трех с половиной метрах?

Росситер улыбнулся.

— Это твой главный аргумент? То же самое говорили двадцать пять лет назад, перед последней переоценкой, когда минимум сокращали с пяти до четырех. Невозможно, говорили тогда. На четырех квадратных метрах никто не выживет,

места хватит только для кровати и чемодана, и даже дверь нельзя будет открыть, чтобы войти. — Он усмехнулся. — И что? Все ошибались. Двери переставили так, чтобы они открывались наружу. А четыре квадратных метра все-таки ввели.

Уорд посмотрел на часы — половина восьмого.

— Пора перекусить. Посмотрим, получится ли попасть в фуд-бар через дорогу.

Росситер ворчливо поднялся с кровати. Они вышли из каморки и спустились по лестнице. Заставленная упаковочными ящиками, она оставляла для прохода лишь узкий промежуток около перил. На нижних этажах положение было еще хуже: порубленные на одноместные кабинки относительно широкие коридоры, затхлый, мертвый воздух, картонные стены с развешенным сырым бельем, самодельные кладовки. В каждой из пяти комнат жили по двенадцать человек, и их голоса проникали через все перегородки.

На ступеньках выше второго этажа жильцы, в нарушение правил противопожарной безопасности, устроили что-то вроде гостиной: женщины разговаривали с мужчинами, выстроившимися в очередь в умывальную комнату, тут же крутились дети. Ближе к выходу Уорду и Росситеру пришлось буквально пробиваться через толпы

сгрудившихся на лестничных клетках людей, задержавшихся у доски объявлений или поднимающихся снизу, с улицы.

Отдышавшись, Уорд указал на расположенный на другой стороне улицы фуд-бар. До него было всего тридцать ярдов, но заполнившая улицу толпа напоминала полноводную реку, текущую справа налево. Первый фильм на стадионе начинался в девять часов, и публика уже спешила занять места.

— Может, пойдем куда-нибудь еще? — спросил, поморщившись, Росситер. Перспектива фуд-бара его явно не устраивала. Там всегда было полно народу, ждать обслуживания приходилось не меньше получаса, да и еда не радовала разнообразием и вкусом.

Уорд пожал плечами.

— Есть одно заведение на углу, но туда еще надо добраться, и я сомневаюсь, что у нас получится. — Две сотни ярдов против течения, да еще в плотном, неуступчивом потоке.

— Может, ты и прав. — Росситер положил руку на плечо Уорду. — Знаешь, Джон, твоя проблема в том, что ты никуда не ходишь, нигде не бываешь. Ты от всего оторван и даже не представляешь, насколько все плохо.

Уорд кивнул — Росситер был прав. Утром, когда он отправлялся в библиотеку, поток нес его к сосредоточенным в центре офисам, вечером, когда он возвращался, тот же поток двигался в противоположном направлении. Желания как-то менять заведенный порядок не возникало. Воспитываясь с десяти лет в муниципальном общежитии, Уорд постепенно утратил связь с отцом и матерью, которые жили на восточной стороне города и не могли или не хотели пускаться в путешествие ради того, чтобы повидать сына. Уступив инициативу динамике города, он и сам не горел желанием возвращать ее ради всего лишь чашки лучшего кофе. К счастью, работа в библиотеке давала ему возможность контактировать с широким кругом молодых людей со схожими интересами. Рано или поздно он женится, найдет двойную каморку поближе к библиотеке и остепенится. Если у них будет достаточно детей — требуемый минимум: трое, — то, может быть, когда-нибудь они даже обзаведутся собственной комнатой.

Человеческий поток, в который ступили друзья, отнес их ярдов на десять или двадцать. Выбравшись из него на другой стороне, они пробились поближе к витринам и двинулись, плечом к пле-

чу, назад, к фуд-бару.

— Какие цифры дают последние оценки численности населения? — спросил Уорд, обходя сигаретный киоск и ныряя в первую образовавшуюся брешь.

Росситер улыбнулся:

— Извини, Джон, я бы сказал, но ты ведь чего доброго запаникуешь. Да и не поверишь.

Росситер работал в департаменте страхования муниципалитета и имел официальный доступ к данным переписи. Последние десять лет эта информация не подлежала разглашению — отчасти потому, что ее считали неточной, но главным образом из-за опасения, что разглашение статистики отзовется массовым приступом клаустрофобии. Незначительные ее вспышки уже случались, и теперь официальная линия сводилась к тому, что население мира достигло плато, выровнявшись на двадцати миллиардах. В эти цифры никто ни на секунду не поверил. Уорд полагал, что установившийся в 1960-е темп ежегодного прироста в три процента сохраняется до сих пор.

Как долго это будет продолжаться, сказать было невозможно. Вопреки мрачным прогнозам неомальтузианцев, мировому сельскому хозяй-

ству удавалось поддерживать рост населения, хотя интенсивная культивация почв привела к сосредоточению девяносто пяти процентов жителей планеты в огромных конурбациях. Разрастание городов было остановлено; по всему миру бывшие пригороды перепрофилировались под нужды сельского хозяйства, и людям приходилось ограничиваться уже существующими городскими гетто. Деревня как таковая больше не существовала. Каждый квадратный фут площадей использовался для выращивания той или иной культуры. Бывшие поля и луга стали, по сути, производственными участками, столь же механизированными и закрытыми для публики, как и промышленные цеха. Экономическое и идеологическое соперничество отступило перед важнейшей, первостепенной задачей — внутренней колонизацией города.

Добравшись до фуд-бара, они протолкались ко входу и присоединились к схватке у стойки, где сбилась плотная кучка клиентов.

— Беда с проблемой перенаселения, — сказал Уорд, — в том, что по-настоящему ее никто и не пробовал решить. Пятьдесят лет назад близорукий национализм и промышленная экспансия сделали ставку на рост населения, и даже сейчас

скрытый стимул подталкивает нас к тому, чтобы завести большую семью и получить хоть частичку приватности. Одиночек наказывают просто потому, что их больше и они не вписываются в двойные и тройные кубиклы. Но настоящее зло — большая семья с компактной, малогабаритной логистикой.

Росситер кивнул и подвинулся поближе к стойке, готовясь прокричать заказ.

— Верно, верно. Нам всем не терпится жениться, чтобы только заполучить свои шесть квадратных метров.

Стоявшие перед ними две девушки обернулись и улыбнулись.

— Шесть квадратных метров, — повторила одна из них, темноволосая, с милым овальным личиком. — Хотелось бы мне познакомиться с парнем, который так говорит. Собираешься заняться недвижимостью, а, Генри?

Росситер усмехнулся и пожал ей руку.

— Привет, Джудит. Да, активно об этом думаю. Не желаешь ли присоединиться? Рискнем вместе?

Они уже продвинулись к стойке.

— Может быть. — Девушка наклонилась к нему. — Только все должно быть по закону.

Другая девушка, Хелен Уэринг, работавшая младшим библиотекарем, потянула Уорда за рукав.

— Слышал последние новости? Нас с Джудит выперли из комнаты. На данный момент мы буквально на улице.

— Что? — крикнул Росситер. Они забрали свой суп и кофе и теперь пробивались к дальнему углу бара. — Что случилось?

— Помнишь кладовку за нашей каморкой? Мы с Джудит использовали ее как своего рода кабинет, ходили туда читать. Там тихо и спокойно — надо только научиться не дышать. Ну вот, старушенция прознала, что мы там бываем, подняла шум, заявила, что мы нарушаем закон и все в таком духе. Короче, выставила. — Хелен помолчала. — Говорят, собирается сдавать кладовку как кубикл.

Росситер стукнул кулаком по столу.

— Сдавать кладовку? Чтобы там кто-то жил? Нет, ей же никто не даст лицензию.

Джудит покачала головой:

— Лицензия у нее уже есть. Ее брат работает в жилищном департаменте.

Уорд прыснул в чашку с супом.

— Но как она будет ее сдавать? Никто же не

согласится жить в кладовке.

Джудит наградила его мрачным взглядом:

— Ты действительно так думаешь?

Уорд уронил ложку.

— Вообще-то нет. Наверно, ты права. Люди готовы жить где угодно. Господи, я даже не знаю, кого мне больше жалко — вас или того беднягу, который поселится в кладовке. Ладно. Что будете делать?

— Одна пара, в паре кварталов к западу, сдает половину своей каморки. Они там повесили простыню, и нам с Хелен придется спать по очереди на раскладушке. Я не шучу, ширина нашей комнаты — около двух футов. Я уже сказала Хелен, что нам надо поделить ее и сдать половинку за вдвое большую плату.

Все рассмеялись. Потом Уорд попрощался и отправился к себе домой.

И там столкнулся с похожей ситуацией.

Прислонившись к хлипкой двери и лениво катая во рту обслюнявленный окурок сигары, управляющий поджидал его с выражением угрюмой скуки на небритой физиономии.

— У вас четыре и семьдесят две сотых квадрата, — сообщил он Уорду, который остановился на лестнице, поскольку попасть в комнату не мог.

Другие жильцы протискивались мимо по пути на лестничную клетку, где ругались, сердито толкая стену из чемоданов и ящиков, две женщины, обе в бигуди и домашних халатах. Управляющий то и дело бросал в их сторону раздраженные взгляды. — Четыре и семьдесят два. Я два раза замерял. — Он произнес это тоном, исключавшим всякую возможность несогласия.

— По потолку или полу? — спросил Уорд.

— По потолку, а вы как думали? Как я могу измерить пол, если там столько всего навалено. — Он пнул выступающий из-под кровати ящик с книгами.

Уорд стерпел.

— Стена слегка наклонена, — указал он. — На целых три или даже четыре градуса.

Управляющий неопределенно кивнул.

— В любом случае у вас больше четырех. Намного больше. — Он повернулся к Уорду, который отступил на несколько ступенек, чтобы пропустить спускающихся по лестнице мужчину и женщину. — Я могу сдать ее как двушку.

— Что, четыре с половиной как двушку? — недоверчиво спросил Уорд. — Это как же?

Проходивший мимо мужчина склонился над плечом управляющего, окинув комнату быст-

рым, цепким взглядом.

— Сдаешь двушку, а, Луи?

Управляющий отмахнулся от него, поманил Уорда в комнату и закрыл за ним дверь.

— Номинально здесь пять. Мы только что получили новые инструкции. Все, что больше четырех с половиной, считается двушкой. — Он хитро посмотрел на Уорда. — А чего вы хотели? Хорошая комната, просторная, чувствуешь себя как в трешке. У вас тут и выход на лестницу, и окно… — Он не договорил, потому что Уорд, расхохотавшись, свалился на кровать. — В чем дело? Послушайте, хотите комнату побольше, платите за место. В общем, так: или повышаем оплату на половину, или выметайтесь.

Уорд вытер глаза, устало поднялся и потянулся к полкам.

— Расслабьтесь, уже ухожу. Буду жить в кладовке. Доступ к лестнице — да, это роскошь. Скажите, Луи, на Уране есть жизнь?

В качестве временного решения они с Росситером сняли вместе двушку в развалюхе в сотне ярдов от библиотеки. Квартал был бедный и неухоженный, многоквартирные дома под завязку забиты жильцами. Большинство строений принадлежали отсутствующим домовладель-

цам или городской корпорации, и управляющие брали жильцов из всякого сброда. Все их обязанности сводились к сбору квартплаты, а как съемщики делят жилое пространство, никого не интересовало, и выше первого этажа они подниматься не решались. В коридорах валялись банки и бутылки, умывальные комнаты напоминали отстойник. Среди жильцов было много стариков и больных, равнодушно сидевших в своих узких каморках, спиной к спине, разделенных тонкой перегородкой.

Их двушка находилась на третьем этаже, в конце коридора, кольцом опоясывавшего здание. Определить его архитектуру не представлялось возможным, комнаты располагались в произвольном порядке и под всевозможными углами. К счастью, коридор заканчивался тупиком. Гора ящиков остановилась в четырех футах от стены, и тонкая перегородка отделяла каморку, места в которой хватало для двух кроватей. Высокое окно выходило на здания на противоположной стороне улицы.

Поместив весь скарб на полке над головой, Уорд лег на кровать и угрюмо уставился на крышу библиотеки сквозь послеполуденную дымку.

— Здесь не так уж плохо, — сказал, разбирая

свой чемодан, Росситер. — Да, уединиться по-настоящему не получится и через неделю мы будем действовать друг другу на нервы, но, по крайней мере, тебе не дышат в ухо шесть человек.

Соседняя каморка, однушка, была встроена в батарею ящиков шагах в двенадцати по коридору, но ее обитатель, семидесятилетний старик, был глух и не вставал с постели.

— Да, неплохо, — неохотно согласился Уорд. — А теперь скажи, каковы последние данные по приросту населения. Может, это меня утешит.

Росситер помолчал, потом, понизив голос, заговорил:

— Четыре процента. Восемьсот миллионов за один только год — чуть меньше половины общего населения планеты в 1950-м.

Уорд негромко свистнул.

— Значит, новая переоценка. И до какого предела? До трех с половиной?

— До трех. Со следующего года.

— Три квадратных метра! — Уорд сел и посмотрел на друга. — Невероятно! Мир сходит с ума. И когда же они начнут хоть что-то делать? Ты понимаешь, что скоро и сесть будет негде, не то что лечь?!

Он раздраженно стукнул кулаком в стену. Со

вторым ударом из стены вылетела оклеенная бумагой небольшая деревянная панель.

— Эй! — воскликнул Росситер. — Ты тут все сломаешь!

Он нырнул под кровать — за панелью, которая висела на полоске бумаги. Уорд сунул руку в темный проем и, осторожно подтянув панель, положил ее на кровать.

— Кто там, на другой стороне? — шепотом спросил Росситер. — Они что-то слышали?

— Генри! Посмотри!

Прямо перед ними, тускло освещенная лишь мутным небесным светом, открылась средних размеров комната примерно в пятнадцать квадратных футов и совершенно пустая, если не считать скопившейся на плинтусах пыли. На голом полу лежало несколько полосок потертого линолеума, стены покрывали обои с цветочными узорами. Бумага кое-где ободралась, настенные рейки подгнили, но в целом комната находилась в жилом состоянии.

Уорд толкнул ногой открытую дверь и повернулся к Росситеру.

— Генри, ты понимаешь, что мы нашли? Ты понимаешь, старик?

— Помолчи! Ради бога, говори тише! — Росситер

внимательно осмотрел комнату. — Фантастика! Хочу определить, пользовался ли ею кто-то в последнее время.

— Конечно, не пользовались. Это же ясно! В комнате нет двери. Вот здесь она и была. Потом ее заложили панелями и благополучно забыли. Посмотри, какая тут везде грязь.

Росситер смотрел в комнату, и голова у него шла кругом — какая же она огромная!

— Ты прав, — пробормотал он. — Когда будем заселяться?

Панель за панелью они убрали нижнюю часть двери и прибили ее к деревянной раме, чтобы при необходимости поставить ложную секцию на место за считаные секунды.

Затем, выбрав день, когда дом наполовину опустел, а управляющий уснул в подвальном офисе, друзья совершили первую вылазку в соседнюю комнату. Уорд отправился в разведку один, Росситер остался караулить каморку.

Целый час они, меняясь местами, бродили молча по пыльной комнате, разводя руки, чтобы почувствовать ее необъятную пустоту, наслаждаясь ощущением абсолютной пространственной свободы. Уступая в размерах многим комнатам, где им довелось жить, она казалась неизмеримо

больше, ее стены взмывали вверх к самому небу.

Переезд состоялся через два или три дня.

Первую неделю Росситер спал в комнате один, Уорд же оставался в двушке, где они вместе проводили светлое время дня. Постепенно во вторую комнату притащили кое-какую мебель: два кресла, стол, лампу, подключенную к розетке в каморке. Мебель была тяжелая, викторианская, самая дешевая из доступного, и ее размеры подчеркивали пустоту комнаты. Их гордостью стал здоровенный гардероб красного дерева с резными ангелочками и зеркалами, которые пришлось снять и принести в дом в чемоданах. Возвышаясь над ними, шкаф напоминал готический собор с органной галереей, пересекающей огромный неф. Такие соборы Уорд видел на микрофильмах в библиотеке.

Через три недели оба уже спали во второй комнате — каморка казалась невыносимо тесной. Разделивший комнату «японский» экран никак не отразился на ощущении ее огромности. Сидя там по вечерам в окружении книг и альбомов, Уорд совершенно забывал о городе и мире. К библиотеке он проходил по переулку, избегая людных улиц. Порой друзья чувствовали себя единственными реальными обитателями мира,

все остальные превратились в незначительные субпродукты их собственного существования, произвольные копии вышедших из-под контроля идентичностей.

Предложение пригласить девушек исходило от Росситера.

— Их снова выставили. Возможно, им придется разделиться, — сообщил он Уорду, переживая за Джудит и беспокоясь, что она может попасть в плохую компанию. — После переоценки всегда бывает заморозка арендной платы, но домовладельцы об этом знают и просто-напросто ничего не сдают. Найти сейчас какое-то жилье чертовски трудно.

Сидя за круглым столом красного дерева, Уорд рассеянно кивнул. Теребя кисть зеленого абажура настольной лампы, он в какой-то момент почувствовал себя литератором Викторианской эпохи, ведущим неспешную, размеренную жизнь в окружении удобной, мягкой мебели.

— Всецело за, — согласился он, указывая на пустые углы. — Места предостаточно. Но надо, чтобы они об этом не распространялись.

Приняв должные меры предосторожности, друзья посвятили девушек в свой секрет и с удовольствием наблюдали, как те ахали и охали,

восхищаясь этой частной вселенной.

— Мы перегородим ее пополам, — объяснил Росситер, — а утром будем перегородку снимать. Можете въехать через пару дней. Ну, как оно?

— Чудесно! — Открыв рты и всматриваясь с изумлением в бесконечные отражения в зеркалах, гостьи уставились на гардероб.

С их приходом и выходом из дома проблем не возникало. Жильцы постоянно ходили туда-сюда, квитанции складывались на почтовую полку. Никого не интересовало, кто эти девушки, и никто не замечал их регулярных визитов в двушку на третьем этаже.

Однако через полчаса после прихода ни одна из них так и не разобрала свой чемодан.

— В чем дело, Джудит? — спросил Уорд, огибая кровати девушек и проходя в узком промежутке между столом и гардеробом.

Джудит нерешительно перевела взгляд с него на Росситера, который, поставив перегородку, сел на кровать.

— Понимаешь, Джон, это все…

За подругу закончила более практичная Хелен Уэринг.

— Джудит пытается сказать, — она разгладила покрывало, — что наше положение здесь

несколько неопределенное. Эта перегородка…

Росситер поднялся с кровати.

— Ради бога, Хелен, вам не о чем беспокоиться, — заверил он громким шепотом, на который все они перешли непроизвольно. — Все по-честному, вы можете нам доверять. Эта перегородка крепка как скала.

Девушки кивнули.

— Дело не в этом, — объяснила Хелен, — но ведь перегородка будет стоять не все время. Мы подумали, что если бы здесь был кто-то постарше, например тетя Джудит — она ужасно милая и не заняла бы много места и никому бы не мешала, — то нам и волноваться было бы не о чем… разве что по ночам, — быстро добавила она.

Уорд посмотрел на Росситера, который пожал плечами и уткнулся глазами в пол.

— Ну, идея хорошая. Мы с Джоном вас понимаем. Почему бы и нет?

— Конечно, — согласился Уорд и указал на пространство между кроватями девушек и столом. — Одной больше, одной меньше…

Девушки разразились восторженными воплями. Джудит подошла к Росситеру и поцеловала его в щеку.

— Извини, Генри, что надоедаю. — Она мило

ему улыбнулась. — Ты сделал чудесную перегородку. А для тетушки не мог бы? Маленькую? Она очень милая, но возраст…

— Конечно, — сказал Росситер. — Понимаю. Дерева здесь предостаточно.

Уорд посмотрел на часы:

— Сейчас полвосьмого. Вам надо поскорее связаться с тетушкой, а то ведь она может и не успеть добраться сюда сегодня.

Джудит застегнула пальто.

— Успеет, — заверила она. — Я быстро — туда и назад.

Тетушка явилась через пять минут с тремя туго набитыми чемоданами.

— Удивительно, — заметил Уорд в разговоре с Росситером месяца три спустя. — Эта комната меня изумляет. Она как будто увеличивается день ото дня.

Росситер с готовностью согласился, отводя глаза от перегородки, за которой переодевалась одна из девушек. Перегородку больше не трогали — ежедневно снимать ее и снова ставить было слишком утомительно. К тому же монтаж и демонтаж дополнительной перегородки, приделанной к основной, не нравились тетушке. Немало проблем вызывал и транзит старушки

туда и обратно через замаскированную дверь и каморку.

Несмотря на все это, угроза разоблачения представлялась маловероятной. По всей видимости, комнату построили как дополнение к центральной шахте дома, и любой шум поглощали сложенные в коридоре ящики. Непосредственно под ними находилась комната, в которой жили несколько женщин, и тетушка Джудит, бывавшая у них в гостях, уверяла, что прочный потолок никаких звуков не пропускает. К тому же и свет, проникавший наружу через окно, ничем не отличался от сотни других лампочек в окнах дома.

Росситер изготовил и установил новую перегородку, прибив ее к стене между его и Уорда кроватями. Оба согласились, что еще немного приватности не помешает.

— Придется сделать такую же для Джудит и Хелен, — сказал он Уорду.

Уорд поправил подушку. Два кресла, занимавших слишком много места, пришлось отнести в мебельный магазин. В любом случае кровать была намного удобнее. Привыкнуть к мягкой мебели так толком и не удалось.

— Неплохая идея. Как насчет полок вдоль стены? Вещи класть некуда.

С полками комната стала заметно уютнее — освободилось место на полу. Разделенные перегородками, кровати выстроились одна за другой вдоль задней стены, напротив гардероба.

Наличие столь большого свободного пространства неизменно восторгало и изумляло Уорда. Когда Росситер упомянул, что мать Хелен больна и нуждается в персональном уходе, он сразу сообразил, куда ее можно определить — между шкафом и боковой стеной.

Радости Хелен не было границ.

— Ты такой добрый, Джон, но нельзя ли, чтобы мама спала рядом со мной? Там есть место для еще одной кровати.

Росситер снова разобрал перегородки и сдвинул их теснее, так что теперь кроватей стало шесть. Промежуток между каждой составлял два с половиной фута — вполне достаточно, чтобы протискиваться бочком. Лежа на правом фланге, под полками в двух футах над головой, Уорд видел только краешек гардероба, но пространство перед ним, добрых шесть футов до противоположной стены, оставалось свободным.

Следующим прибыл отец Хелен.

Постучав в дверь каморки, Уорд улыбнулся впустившей его тетушке Джудит, потом помог

ей отодвинуть прикрывавшую потайной ход самодельную кровать и легонько ударил по деревянной панели. Секундой позже ее отодвинул отец Хелен, невысокий седоволосый мужчина в нижней рубашке и брюках с привязанными к ним подтяжками.

Уорд кивнул ему и переступил через кучку сваленных у кроватей вещей. Хелен сидела с матерью, поила ее вечерним бульоном. Мокрый от пота Росситер, стоя на коленях у гардероба, отламывал ломиком раму центрального зеркала. Некоторые части шкафа уже лежали на полу и его кровати.

— Завтра начнем выносить, — сказал Росситер.

Уорд подождал, пока отец Хелен прошаркает мимо и скроется в своем отсеке. Закрыв за собой узкую картонную дверцу, он вдобавок накинул примитивный крючок из согнутой проволоки.

Росситер проводил его раздраженным взглядом.

— Хорошо же некоторым. С этим чертовым гардеробом придется изрядно повозиться. И зачем только мы его купили?

Уорд сел на кровать. Перегородка упиралась в колени, так что и повернуться было негде.

Посмотрев вверх, он увидел, что проведенная карандашом разделительная линия исчезла под надвинувшейся стенкой. Прислонившись спиной к стене, Уорд попытался отодвинуть ее, но Росситер, похоже, приколотил нижний край гвоздями к полу.

В дверь внешней каморки постучали — Джудит вернулась из офиса. Уорд стал было подниматься, потом снова сел.

— Мистер Уэринг, — негромко позвал он. В этот вечер дежурным был старик.

Уэринг прошаркал к двери своего отсека и открыл ее, недовольно бурча под нос.

— Туда-сюда, туда-сюда, — проворчал он и, споткнувшись о сумку с инструментами, громко выругался и многозначительно бросил через плечо: — А по-моему, так здесь слишком много народу. Под нами такая ж самая комната, но их там шестеро, а нас тут семеро.

Уорд рассеянно кивнул и вытянулся на узкой кровати, стараясь не удариться головой о полку. Уэринг не первым намекал, что ему надо съехать. Двумя днями раньше такое же предложение высказала тетушка Джудит. Бросив работу в библиотеке, он проводил в комнате почти все время и сталкивался со стариком чаще, чем хотелось

бы, но научился его терпеть. Небольшой платы, взимаемой с остальных, кое-как хватало на еду.

Устроившись наконец, Уорд заметил, что правый верхний шпиль гардероба — все, что он мог видеть на протяжении последних двух месяцев, — теперь исчез.

Деталь была красивая и в каком-то смысле символизировала весь его частный мир, а продавец в мебельном магазине сказал, что таких уже почти не осталось. Он ощутил вдруг острую боль сожаления, как случалось в детстве, когда отец в минуту раздражения забирал у него что-то и он знал, что уже никогда этого не увидит.

Но потом Уорд взял себя в руки. Да, конечно, гардероб был красивой вещью, но когда его не стало, комната как будто увеличилась.

1961

Billenium
(альтернативное название Billennium). Первая публикация в журнале *New Worlds*, ноябрь 1961.

Перевод С. Самуйлова